

УДК 343.2
ББК 67.072

С.В. ТАСАКОВ, Ч.Ш. КУПИРОВА

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ КОНЦЕПТА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ФЕНОМЕНА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: уголовное право, социальная справедливость, административная преюдиция, ответственность, права человека.

Административная преюдиция является одним из феноменов, составляющих специфику отечественной правовой культуры. Под административной преюдицией понимаются процедуры установления уголовной ответственности за рецидивы административных правонарушений. При этом и у законодателя, и в академическом сообществе не сложилось единого варианта интерпретации сущности административной преюдиции, обоснованности ее внедрения в уголовное право (является ли совокупность административных правонарушений основанием их квалификации как элементов сложного правонарушения), критериев ее эффективности. Отсутствие теоретической определенности феномена административной преюдиции в истории отечественной юриспруденции актуализировало вопросы, связанные как с практической реализацией самой этой нормы, так и с ее соответствием принципу социальной справедливости – основополагающему параметру правовой культуры.

Цель исследования – определение соответствия институций административной преюдиции и концепта социальной справедливости в рамках совершенствования норм правовой культуры.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, дедукция) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой анализ, метод юридической интерпретации). В качестве эмпирической базы были использованы нормативные акты, научные публикации, электронные ресурсы официальных сайтов юридических справочно-правовых систем.

Результаты. Вопросы корреляции концепта справедливости и формата практической реализации административной преюдиции обозначили проблему соответствия нормы трансформации административной ответственности в уголовную базовым принципам юридической культуры. В частности, был определен комплекс противоречий, связанных с проблемой двойного наказания, субъективной интерпретации личности правонарушителя, обеспечения норм юридического равенства, соответствия наказания тяжести совершенного правонарушения, презумпции невиновности в качестве имманентных составляющих административной преюдиции.

Выводы. В отечественной юридической культуре сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к соответствию норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения с принципами социальной справедливости. Концепция сложения различных правонарушений как основы уголовного преследования противоречит закону и параметрам определения преступления, как множественного и как единичного. Основу характеристики правонарушения как преступления составляет деяние, составляющее значительную общественную опасность, что противоречит составу административного правонарушения. Нормы административной преюдиции представляют собой неоднозначную систему, базирующуюся на интерпретации комплекса повторяющихся правонарушений в качестве злостного рецидива, что, очевидно, не может быть доказано и, следовательно, является нарушением базовых принципов уголовного права.

Введение. Идея социальной справедливости является базовым концептом наполнения правового пространства реальным содержанием. Принцип справедливости – безусловная идеологическая платформа идеальных императивов о необходимо-должной организации социального бытия, где право предстает в качестве универсальной институции регламентации значимых вопросов общественного взаимодействия. Право представляет собой зримое выражение общественных представлений об органичной модели социального взаимодействия, это специфический инструментарий воплощения идеалов справедливости в эмпирико-практическую плоскость бытия человека и общества. В свою очередь, эффективность правовых регламентов в значительной степени обусловлена степенью соответствия их содержания постулатам общественных представлений о справедливости. Справедливость – это определяющий принцип права, актуализированный в ответственности за нарушения положений, установленных законом. Заявленный принцип выражен в гл. 1 Конституции Российской Федерации¹ и нормативных актах. В действующем уголовном законе концепция справедливости содержится в ст. 6, ч. 2 ст. 43 и ч. 1 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ).

Политика Российской Федерации, как в международных отношениях, так и в сфере организации внутренней жизни общества, на современном этапе направлена на культивирование принципов государственной суверенности, основанной на национальных представлениях о необходимости должной организации мира социального взаимодействия. Органы власти также уделяют внимание совершенствованию норм административной и уголовной ответственности, в частности их взаимосвязи, выраженной в феномене административной преюдиции. Административная преюдиция является специфическим инструментом юридической культуры, применение которого получило в среде специалистов-практиков и академическом сообществе широкий резонанс [5]. Институт административной преюдиции позиционируется как установление мер уголовной ответственности за неоднократное (повторное) совершение противоправных действий административного характера. Специфика значений заявленного феномена заключается как в территориально-локальном характере его реализации (формат возникновения, становления, развития административной преюдиции, ее теоретической разработки и практического применения связан прежде всего с отечественной школой юриспруденции и не получил широкого распространения на международном уровне), так и в темпорально-временном ракурсе (конституализация принципов административной преюдиции была введена в советский период, исключена из практики в 90-е гг. XX в. и вновь стала достоянием юридической культуры в 2009 г.).

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.08.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 08.08.2025).

Институции англосаксонской, континентальной и мусульманской правовых систем не предусматривают кодификацию административных проступков в качестве специфического вида правонарушений, сопрягая его с мерами ответственности уголовного характера, обуславливая заявленный формат объемом нанесенного ущерба и степени угрозы общественному спокойствию (правопорядку). В законодательстве Великобритании, США, Бахрейна, Кувейта и других стран нарушения административного характера рассматриваются как проступки, наказания за которые назначаются в упрощенном порядке (в том числе и внесудебными инстанциями), форматируя их при этом в перечне вопросов, входящих в компетентностную сферу уголовного права.

В континентальной (романо-германской) традиции вплоть до середины XX в. культивировался аналогичный подход, однако значительный рост объема обращений в суды по вопросам уголовных деликтов, не представляющих существенной общественной опасности (наказуемых штрафом), обусловил переход от универсализации уголовной юстиции к конституализации особого «уголовно-административного законодательства». В частности, в ФРГ в 1952, 1962, 1968 и 1975 гг. были приняты положения, составившие содержание Законодательства об административных правонарушениях – Gesetz über Ordnungs widrichkeiten (OWIG), предусматривающие предоставление федеральным, государственным и местным органам административного управления права вынесения предупреждений и штрафов в качестве наказания за проступок (деяние, совершение которого предусматривает наказание в виде штрафа) [8].

Судебно-правовыми структурами Европейского союза (решение Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1984 г.)¹, отталкивающимися от сложившейся традиции и руководствующимися концептом создания единого правового пространства, было определено, что сфера «административных правонарушений» остается частью «уголовного права в широком смысле» (criminalmatter, или *matière pénale*), распределяя тем самым на лиц, подвергшихся обвинению в нарушении административного законодательства, гарантии, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 октября 1950 г. для обвиняемых по уголовным делам². В данном случае принципиальным является факт распространения на сферу производства по административным правонарушениям всего спектра гарантий, предусмотренных европейским законодательством по защите и соблюдению прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию [2].

Таким образом, в мировой юридической практике преобладает сдержанное отношение к вопросам взаимопроникновения норм административной и уголовной ответственности, вследствие чего проблематика теоретического развития

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 21.02.1984 [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/67320/> (дата обращения: 29.08.2025).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 24.07.2025).

и практической реализации ресурсов административной преюдиции актуализируется прежде всего в отечественных научных школах и юридических культурах, «генетически» с нею связанных (правовые системы стран бывшего СССР – Беларуси, Грузии, Узбекистана, Таджикистана и др.).

Цель исследования заключается в определении соответствия институций административной преюдиции и концепта социальной справедливости в рамках совершенствования норм правовой культуры.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, дедукция) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой анализ, метод юридической интерпретации). В качестве эмпирической базы были использованы нормативные акты, научные публикации, электронные ресурсы официальных сайтов юридических справочно-правовых систем.

Результаты исследования. Принципы, соответствующие концепту ужесточения наказания за повторные правонарушения, получили отражение уже в первых памятниках истории отечественного государства и права, при этом заявленное правило применялось в отношении лиц, совершивших уголовные преступления. Согласно ст. 5. Белозерской уставной грамоты¹, воровство преследовалось и наказывалось: в первый раз возмещением ущерба, в случае рецидива (повторной кражи) – конфискацией всего имущества преступника или продажей его самого в холопы и в третий раз – смертной казнью через повешение. Ст. 8. Псковской судной грамоты декларировала: «Кто совершит хищения на посаде два раза, то вора жизни не лишать, но наказать в соответствии с его виной, а в третий раз кто совершит хищение, того казнить»². Аналогичные положения содержались в Судебниках 1497³ г. и 1550 г.⁴ и Соборном уложении 1649 г.⁵

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁶ впервые в отечественной юриспруденции была осуществлена дифференциация правонарушений на преступление и проступок, где в качестве критерия деления выступила степень их угрозы общественному правопорядку и безопасности частных лиц. В этом нормативном документе определялось в качестве преступления действие или бездействие вследствие незаконного посягательства на права

¹ Уставная Белозерская грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=5206> (дата обращения: 29.08.2025).

² Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://dosros.ru/upload/iblock/9f4/h73-525y2nk3cn3hg0uwudgq2agovhk3a.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

³ Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497> (дата обращения: 29.08.2025).

⁴ Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 29.08.2025).

⁵ Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoelozgenie1649> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/local/tools/exalead/getFiles.php?book_id=000199_000009_002889696&name=000199_000009_002889696-Уложение%20о%20наказаниях%20уголовных%20и%20исправительных&doc_type=pdf (дата обращения: 29.08.2025).

Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, в то время как проступок квалифицировался как нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности. Де-факто проведенное разделение является очевидной демонстрацией дифференциации норм уголовного и административного законодательства. Более того, в этом Уложении представлен очевидный прецедент реализации принципа административной преюдиции в нормах закона.

Советская юриспруденция апеллировала к мерам, соответствующим формату административной преюдиции в качестве одного из инструментов становления гражданской ответственности членов нового социалистического общества. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.¹ в ч. 1 ст. 79 предписано вынесение наказания за отказ от уплаты денежных или натуральных налогов, выполнения повинностей или производства работ общегосударственного значения, в ч. 2 закреплены меры уголовного преследования за повторное совершение указанных правонарушений.

Дальнейшее развитие юридической науки в целом и раздела уголовно-правовой ответственности в частности направлено на распространение мер административной преюдиции на все большее число правонарушений. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.² было несколько десятков статей, относимых к составам преступлений, содержащих меры реагирования, относимые к административной преюдиции. Например, ст. 162.4 – «Незаконное предпринимательство»; ст. 166 – «Незаконная охота»; ст. 224.3 – «Незаконное приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах» и ряд других. Особо внимания заслуживает тот факт, что принципы административной преюдиции были включены в содержание Уголовного кодекса РСФСР не только в целях усиления мер юридической ответственности (наказания) за определенные виды противоправных действий, но и в качестве институции частичной декриминализации уголовно-правового законодательства в случаях, не представляющих значительной общественной опасности. В частности, нарушение правил советской торговли, согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., признавалось преступлением только вследствие совершения повторных нарушений при условии наличия уже наложенного административного взыскания, совершенного ранее.

Таким образом, в Уголовном кодексе РСФСР изначально содержались принципы административной преюдиции в качестве определяющего момента предотвращения рецидива правонарушений, влекущих за собой непосредственный ущерб государству. При этом необходимо отметить, что в советской уголовно-правовой политике отсутствовало стремление составить универсальную

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // КонсультПлюс: [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 23.08.2025).

² Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 [Электронный ресурс] // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/10107062/> (дата обращения: 29.08.2024).

модель структурирования преступлений, в отношении которых было возможно применение мер административной преюдиции.

В 1996 г. в структуре вновь принятого УК РФ положений о нормах, связанных с применением административной преюдиции, не оказалось. Таким образом, этот институт оказался исключенным из правового поля. Основанием для исключения этого положения послужило содержание ст. 50 Основного закона (Конституции Российской Федерации) о невозможности наказания за одно преступление повторно.

В 2009 г. Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию отметил необходимость модернизации теоретического и практического содержания правового пространства в целом и сферы уголовно-правового регулирования в частности, прямо указав, что «в уголовном законе необходимо лучше использовать меры так называемой административной преюдиции» в качестве действенного средства профилактики правонарушений, «привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»¹.

В 2011 г. в содержание ст. 151.1 УК РФ было привнесено положение административной преюдиции в разделе об ответственности за неоднократно совершенную продажу алкосодержащей продукции несовершеннолетним, в 2014 г. в УК РФ внесены аналогичные изменения в содержание ст. 212.1 – неоднократное нарушение порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, ст. 264.1 – управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, ст. 284.1 – участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной ее деятельности на территории Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость. Изменения, затрагивающие систему реализации норм административной преюдиции, были внесены в отдельные статьи УК РФ в 2015 г. (ст. 215.4), в 2016 г. (ст. 116.1, 158.1), в 2017 г. (ст. 171.4) и т.д.

В комплексе причин внесения изменений в содержание отдельных статей УК РФ необходимо указать:

- 1) возрастающее количество коллизий, возникающих при квалификации повторных деяний преступного характера;
- 2) отсутствие в УК РФ (в период 1997–2009 гг.) норм с административной преюдицией выявило уязвимость принятой модели административных форм ответственности.

Возвращение в УК РФ административной преюдиции инициировало начало дискуссии о соответствии указанных норм принципам гражданского общества, социальной справедливости и уголовно-правовой законности.

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12.11.2009 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657/ (дата обращения: 29.08.2025).

Формат дискуссии в значительной степени был обусловлен отсутствием у членов научного сообщества общепризнанного подхода к проблемам сущности административной преюдиции, практической целесообразности ее применения в современных условиях (например, в УК РФ отсутствуют четкие признаки и дефиниции преюдиции). Законодатель, в свою очередь, не сумел выработать комплекс универсальных принципов включения норм административной преюдиции в действующую правовую систему (отсутствует общий подход к форматированию норм преюдиции и ее использованию в уголовном законодательстве) [3]. Юристами предлагались различные дефиниции понятия административной преюдиции, но только на академическом, доктринально-концептуальном уровне. При этом в отечественном уголовном праве, несмотря на очевидную лояльность к принципу административной преюдиции, не было сформулировано ее окончательных категориально-понятийных параметров, что, безусловно, является действенным препятствием к решению задач, связанных с определением ее значения и перспектив совершенствования.

Представленное положение дел (уязвимость рассматриваемого феномена с позиции определения его объема и содержания) не могло не актуализировать комплекс вопросов, обусловленных порядком его практической реализации, в частности квалификации, стадий, степени соучастия в преступлениях такого рода, и целого ряда сопутствующих проблем (что влечет за собой возможность необоснованного применения норм административной преюдиции). Сложившаяся ситуация, безусловно, требует разрешения в рамках определения степени эффективности, целесообразности рассматриваемого феномена и его корреляции с принципами социально-правовой справедливости.

Ряд специалистов (например, Г.Р. Баркаев [1], В.А. Маслов [7]) определяют институт административной преюдиции в качестве действенного способа противодействия преступности, эффективного инструментария профилактики соблюдения установленного законодателем порядка проведения общественных мероприятий, правил розничной торговли и др. Юридической формулой обоснования позиции сторонников рассматриваемой меры является определение личности правонарушителя как склонного к повторению противоправных действий административного характера, представляющих существенную общественную опасность, что предполагает применение строгих мер ответственности. В целом заявленный подход разделяет и Конституционный суд Российской Федерации, определивший наличие неснятой судимости в качестве признака оценки личности обвиняемого как обладающей повышенной общественной опасностью¹.

Другие ученые (например, Н.А. Лопашенко [6]) характеризуют возвращение административной преюдиции в систему уголовного правоприменения как значительную ошибку, влекущую за собой глубокие негативные социальные и юридические следствия. В частности, ставится под сомнение эффективность

---

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71509066/> (дата обращения: 29.08.2025).

преюдиции в качестве средства предотвращения рецидива административных правонарушений, так как общепризнанным является факт, постулирующий отсутствие непосредственной связи между ужесточением наказания и укреплением основ общественного правопорядка. Еще одним веским аргументом противников принципов абсолютной преюдиции является двойная ответственность правонарушителя, на которого первоначально накладывается ответственность за административный проступок, которая впоследствии квалифицируется по совокупности в качестве элементарной составляющей уголовного преступления, что тем самым является нарушением еще одного из базовых юридических принципов – «non bis in idem» (за одно не дважды). Приведенная аргументация ставит под сомнение обоснованность возвращения административной преюдиции в сферу правоприменения, что в принципе совпадает с международной судебной практикой, в частности решение по делу «Сергей Золотухин против России»¹, в котором определено, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности² (мелкое хулиганство), не может являться структурным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ (хулиганство).

Таким образом, в отечественной юридической науке сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к значению норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения. На сегодняшний день действующим уголовным законом России регламентировано более чем в 30 преюдициальных составов преступлений, содержащихся в различных сферах общественных отношений, охраняемых законом, что свидетельствует о достаточной степени востребованности рассматриваемых принципов [4]. При этом в рамках проблемы соотношения концепта справедливости и норм административной преюдиции необходимо отметить, что рассматриваемая норма, очевидно, содержит ряд уязвимых положений. В частности, вопрос о разнице в наказании за одни и те же правонарушения, когда одни лица привлекаются к уголовной, а другие за совершение тех же действий – к административной ответственности.

Привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего ряд административных правонарушений, на основании систематического проявления «злого умысла» нарушителя представляется крайне сомнительным способом обоснования обвинения в силу принципиальной недоказуемости самого факта системности злонамеренности: «Умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, окончательно» [6. С. 68]. Недоказуемость внутренней связи каждого из правонарушений делает их «единство» результатом субъективно-конструктивистской деятельности мышления, а не следствием формально логического вывода: «Все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе объявляется законодателем преступной абсолютно по механическому признаку – повторяемости и накоплению

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 10.02.2010 [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12168976/> (дата обращения: 29.08.2025).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.08.2025).

самостоятельных административных правонарушений, – никоим образом не связаны между собой, они – разные» [6. С. 67]. Определяющим фактором становится принцип субъективного вменения, предполагающий характеристику обвиняемого как изначально предполагающего умысел на совершение ряда (комплекса) последовательных правонарушений, что, очевидно, представляет явное посягательство на презумпцию невиновности. Административное правонарушение – самостоятельный вид противозаконных действий, предполагающий всеми необходимыми и достаточными признаками завершенного правонарушения, умысел на который форматируется независимо от другого, что исключает квалификацию совокупности административных правонарушений как элементов сложного уголовного преступления [9].

Принцип справедливости в рамках рассматриваемой проблемы предполагает, что лицо подлежит административной ответственности за правонарушения, входящие в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП), и никак иначе. Императив справедливости как социальная основа уголовно-административной ответственности конкретизируется в аксиомах равенства всех перед законом и судом, уважения чести и достоинства участника юридического процесса, защиты его законных прав и интересов, а тяжесть наказания должна соответствовать характеру правонарушения, а не быть обусловленной субъективно-личностными оценками. В противном случае прямо нарушается презумпция невиновности, обвиняемому заведомо приписываются качества, наличие которых является следствием субъективной интерпретации, а не обоснованного доказательства, что неизбежно влечет за собой нивелирование истинных значений правонарушения и, как следствие, вынесение необоснованных судебных решений. Равенство перед законом означает, что в отношении всех граждан в одних и тех же условиях применяются одни и те же юридические нормы и правила и трактовки обстоятельств, исключающих возможность назначения различных видов наказания за совершение одного и того же проступка.

Выводы. Вопросы корреляции концепта справедливости и формата практической реализации административной преюдиции обозначили проблему соответствия нормы трансформации административной ответственности в уголовную базовым принципам юридической культуры. В частности, был определен комплекс противоречий, связанных с проблемой двойного наказания, субъективной интерпретации личности правонарушителя, обеспечения норм юридического равенства, соответствия наказания тяжести совершенного правонарушения, презумпции невиновности в качестве имманентных составляющих административной преюдиции.

Таким образом, в отечественной юридической культуре сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к соответствию норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения с принципами социальной справедливости. Концепция сложения различных правонарушений как основы уголовного преследования противоречит закону определения преступления, как множественного и как единичного. Основу характеристики правонарушения

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 24.08.2025).

как преступления составляет деяние, создающее значительную общественную опасность, что противоречит составу административного правонарушения. Нормы административной преюдиции представляют собой неоднозначную систему, базирующуюся на интерпретации комплекса повторяющихся правонарушений в качестве злостного рецидива, что, очевидно, не может быть доказано и, следовательно, является нарушением базовых принципов уголовного права.

Наша позиция заключается в исключении из юридической практики норм трансформации административного правонарушения в уголовное преступление как противоречащих базовым принципам справедливости, зафиксированным в Конституции Российской Федерации (равенство всех перед законом, невиновности, объективности). Внесение тех или иных правонарушений в соответствующие кодексы (КоАП РФ либо УК РФ) определяется только значимостью объекта преступных посягательств и объемом нанесенного ущерба, что исключает экстраполяцию на личность субъекта правонарушения априори недоказуемых субъективных оценок (наличие умысла на повторное совершение правонарушения). Повторяемость правонарушений не является основанием трансформации сущностной платформы правонарушения, выраженной в степени его общественной опасности, и, следовательно, не может стать основанием уголовного регулирования.

Литература

1. Баркаев Г.Р. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от административного надзора // Закон и право. 2022. № 6. С. 118–121.
2. Добров А.Н., Баранова С.А. Административная преюдиция в уголовном и административном праве. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. 60 с.
3. Кибальник А.Г., Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda. М.: Юрлитинформ, 2023. 160 с.
4. Коноплева Л.Л. Сравнительный анализ законодательных подходов к проблеме разграничения административных правонарушений и преступлений в зарубежных странах и в России // Проблемы права. 2016. № 2(56). С. 98–102.
5. Кривельская О.В., Дорохина Н.В. Институт административной преюдиции в современном административном и уголовном праве // Образование и право. 2023. № 11. С. 275–279.
6. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71.
7. Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 39–49.
8. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения уголовного права европейских стран [Электронный ресурс] / Центр исследований правовой политики. 2010. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (дата обращения: 06.06.2025).
9. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблема невменяемости субъекта административного правонарушения (в контексте преступлений с административной преюдицией) // Уголовное право. 2022. № 4(140). С. 64–74.

ТАСАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, проректор по общим вопросам, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tasakov@mail.ru).

КУПИРОВА ЧУЛПАН ШЕУКАТОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (chulpan27@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-5050>).

Sergey V. TASAKOV, Chulpan Sh. KUPIROVA

**PROBLEMS OF COMPATIBILITY BETWEEN THE
CONCEPT OF SOCIAL JUSTICE
AND THE PHENOMENON OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE
IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Key words: criminal law, social justice, administrative prejudice, responsibility, human rights.

Administrative prejudice is one of the phenomena that make up the specifics of the national legal culture. Administrative prejudice refers to the procedures for establishing criminal liability for recidivism of administrative offenses. At this, neither legislators nor the academic community have agreed on a single interpretation of the essence of administrative prejudice. the validity of its introduction into the criminal law (whether the totality of administrative offenses is the basis for their qualification as elements of a complex offense), and criteria for its effectiveness. The lack of theoretical certainty of administrative prejudice phenomenon in the history of Russian jurisprudence raised issues related both to the practical implementation of the norm in question and to the scope of its compliance with the principle of social justice, a fundamental parameter of legal culture.

The purpose of the study is to determine the conformity of institutions with administrative prejudice and the concept of social justice in the framework of improving the norms of legal culture.

Materials and methods. The research used general scientific (analysis, deduction) and special legal methods (comparative legal analysis, method of legal interpretation). To achieve this goal, regulations, scientific publications and electronic resources of official websites of legal reference legal systems were used.

Results. The issues of correlation between the concept of justice and the format of practical implementation of administrative prejudice identified the problem of compliance of the norm of transformation of administrative responsibility into criminal responsibility with the basic principles of legal culture. In particular, a set of contradictions was identified related to the problem of double punishment, a subjective interpretation of the offender's personality, ensuring the norms of legal equality, the conformity of punishment with the severity of the offense, and the presumption of innocence as inherent components of administrative prejudice.

Conclusions. The Russian legal culture has developed antonymic polar approaches to the conformity of the norms of administrative prejudice and the resources of their enforcement with the principles of social justice. The concept of combining various offenses as the basis of criminal prosecution contradicts the law and the parameters of defining a crime as multiple and as a single one. The basis for characterizing an offense as a crime is an act that constitutes a significant public danger, which contradicts the composition of an administrative offense. The norms of administrative prejudice constitute an ambiguous system based on interpreting a set of repeated offenses as malicious recidivism, which obviously cannot be proven and, therefore, constitutes a violation of the basic principles of criminal law.

References

1. Barkaev G.R. *Sotsial'naiia obuslovlennost' ugolovnoi otvetstvennosti za uklozenie ot administrativnogo nadzora* [Social conditioning of criminal liability for evasion of administrative supervision]. *Zakon i pravo*, 2022, no. 6, pp. 118–121.
2. Dobrov A.N., Baranova S.A. *Administrativnaya preysuditsiya v ugolovnom i administrativnom prave* [Administrative prejudice in criminal and administrative law]. Irkutsk, 2021, 60 p.
3. Kibalnik A.G., Mamkhyagov Z.Z. *Administrativnaya preysuditsiya v ugolovnom prave: vo-prosy de lege lata i de lege ferenda* [Administrative prejudice in criminal law: issues of de lege lata and de lege ferenda]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023, 160 p.
4. Konopleva L.L. *Sravnitelnyi analiz zakonodatelnykh podhodov k probleme razgranicheniya administrativnykh pravonarushenii i prestuplenii v zarubezhnykh stranah i v Rossii* [Comparative analysis of legislative approaches to the problem of distinguishing administrative offenses and crimes in foreign countries and in Russia]. *Problemy prava*, 2016, no. 2(56), pp. 98–102.

5. Krivelskaya O.V., Dorokhina N.V. *Institut administrativnoy preyuditsii v sovremennoy administrativnom i ugovnom prave* [Institute of administrative prejudice in modern administrative and criminal law]. *Obrazovaniye i pravo*, 2023, no. 11, pp. 275–279.

6. Lopashenko N.A. *Administrativnoi preyuditsii v ugovnom prave net* [There is no administrative prejudice in criminal law]. *Vestnik akademii general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2011, no. 3(23), pp. 64–71.

7. Maslov V.A. *Dopustimost' administrativnoi preyuditsii v kontekste obshhnosti otraslei ugovnogo i administrativnogo prava* [The permissibility of administrative prejudice in the context of common branches of criminal and administrative law]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2024, no. 7, pp. 39–49.

8. Khavronyuk N.I. *Administrativnaya preyuditsiya i institut recidiva s tochki zreniya ugovnogo prava evropeiskih stran* [Administrative prejudice and the institution of recidivism from the point of view of criminal law in European countries]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (Accessed Date: 2025, June 6).

9. Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. *Problema nevmenyayemosti sub"ekta administrativnogo pravonarusheniya (v kontekste prestupleniy s administrativnoi preyuditsii)* [The problem of insanity of the subject of an administrative offense (in the context of crimes with administrative prejudice)]. *Ugovnoye pravo*, 2022, no. 4(140), pp. 64–74.

SERGEY V. TASAKOV – Doctor of Law Sciences, Professor, Vice-Rector for General Affairs, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tasakov@mail.ru).

CHULPAN Sh. KUPIROVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (chulpan27@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-5050>).

Формат цитирования: Тасаков С.В., Купирова Ч.Ш. Проблемы соответствия концепта социальной справедливости и феномена административной преюдиции в уголовном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2025. № 4. С. 82–93. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2025/4/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-82-93.